

ВЕРА КАРТАВЕНКО

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

Семантика топонима как концентрированного текста

В слове и в особенности в имени, – все наше культурное богатство, накапливаемое
в течение веков. ...

В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия.

А. Ф. Лосев

На современном этапе развития языкознания проблемы текста интересуют исследователей как лингвистического направления, так и многих других направлений: культурологического, психологического, социологического, семиотического. Исследования ведутся по лингвистике текста, грамматике текста, по его структуре, по герменевтике текста. Однако термин «текст» не имеет единой общепринятой дефиниции. Если понимать текст достаточно широко, то в таком случае можно принять в качестве основного следующее определение: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (Ярцева 1990: 507).

Рассматривая текст в коммуникативно-прагматическом, дискурсном аспекте, следует уточнить, что это может быть и серия предложений-высказываний, и одно высказывание (Бахтин 1979: 271). Термин «дискурс» чаще используется, когда речь идет о реальном речепроизводстве:

Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Такое противопоставление реального говорения его результату помогает понять и то, в каком смысле текст может трактоваться как дискурс: только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. Точно так же верно и обратное, когда мы наблюдаем за созданием текста,

состоящего из последовательности предложений, связанных по смыслу, обладающих внутренней грамматикой, имеющих свою прагматическую установку и содержащих элементы, выполняющие функцию воздействия (Кубрякова, Александрова 1997: 19).

Не противоречит данному пониманию дискурса и следующее определение: «Дискурс (от франц. *discurs* – речь) – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» (Ярцева 1990: 136–137).

Подобное понимание дискурса (и текста) подводит к так называемому «свернутому многоплановому тексту», или концентрированному тексту. Под эти понятия («свернутого многопланового текста», концентрированного текста) вполне подходит имя собственное, и прежде всего топоним.

В российском языкознании уже предпринимались попытки рассматривать имена собственные как своеобразные тексты. Так, А. М. Щетинин, рассматривая антропонимы в памятниках письменности и придавая особую значимость антропонимической формуле, предлагает считать именник списочного источника особым текстом (Щетинин 1980).

С использованием прежде всего семиотического подхода к анализируемым фактам Р. А. Агеева предлагала трактовать ономастический (и особенно топонимический) материал как специфически оформленный текст:

В семиотическом плане этот «текст» обобщает информацию, закодированную в каждом топониме и во всей совокупности топонимов, в способах их организации в ряды и в топонимическую систему и т.п. (Агеева 1989: 18).

Раскрытие информации, имеющейся в топониме, происходит по мере исследования составляющих этой информации, которые называют «фреймами» (типовыми ситуациями), «сценариями» (делающими акцент на развитии ситуаций) или «текстовыми модулями» (термин М. В. Горбаневского). Топоним предстает в таком случае как сгусток сконцентрированной временем, закодированной информации об окружающем человека пространстве и о мире.

Мы полагаем, что можно рассматривать отдельный топоним как дискурс, т.е. связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, как текст, взятый в событийном аспекте, как текст, «погруженный в жизнь». Следовательно, топоним – это итог свертывания дискурса, а его использование, употребление в речи приводит к раскрытию, развертыванию дискурса. Любой топоним можно представить в виде концентрированного

текста, который может быть «развернут» и подан как известная сумма экстралингвистических (фоновых, ассоциативных) и лингвистических знаний.

Национально-культурный компонент свойствен именам собственным (топонимам) в гораздо большей степени, чем апелляциям. Топонимы, как отмечали Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, не являются простыми терминами географической науки, а обладают яркими культурными компонентами в своей семантике (Верещагин, Костомаров 1980).

Топонимы, таким образом, выступают как сконцентрированная во времени и пространстве, закодированная информация об окружающем человеке мире. Информация, содержащаяся в топонимах, тесно связана не только с именуемым объектом, но и с культурной, социальной, бытовой, хозяйственной жизнью, а также и с той лингвистической информацией, которая всегда присутствует в каждом данном топониме как слове.

Белорусский топонимист-исследователь А. М. Мезенко, рассматривая историю возникновения названий внутригородских объектов Беларуси, мотивацию, имевшие место переименования, пишет:

Выбор имени улиц, переулков, и других линейных, территориальных и масштабных объектов не является произвольным, он связан с ментальностью жителей данного населенного пункта и соответствует духу эпохи. Урбанонимная система, имеющая отношение к материальной, социальной и духовной культуре данного языкового коллектива, способствует формированию определенных черт менталитета. В ней зашифрован культурно-национальный опыт и традиции народа (Мезенко 2003: 295).

Номинацию имен собственных и особенно топонимов нельзя рассматривать лишь как только чисто лингвистическую номинацию. За каждым собственным географическим названием скрывается большой объем информации. Большинство топонимов, как правило, имеют не только адресную функцию, но также обладают функциями культурно-исторической, социальной, информационной, коммуникативной, эстетической и др. Приведем примеры.

Известно, что к концу XII- началу XIII в. Смоленск был одним из крупнейших центров русского зодчества, здесь появились известные мастера-строители, сложилась своя архитектурная школа. В это время в городе было возведено большое количество храмов, поражавших своей дивной красотой. К сожалению, многие из церквей по разным причинам не сохранились до настоящего времени, мы сейчас знаем лишь о некоторых из них по их названиям: *Церковь в Перекопном переулке, Собор на Протоке, Церковь на Малой Рачевке, Церковь на Воскресенской горе, Спасский храм Спасского монастыря* и некоторые другие.

Названия многих улиц теперь определялись названиями церквей, ведь церкви были важными ориентирами в городе, ср.: ул. *Вознесенская* (по *Воз-*

несенской церкви), ул. *Воскресенская* (по церкви *Воскресения Господня*), ул. *Казанская* (церковь *пресвятой Богородицы Казанской*), ул. *Ильинская* (церковь *пророка Ильи*), улица *Покровская* (церковь *Покрова Пресвятой Богородицы*), ул. *Никольская* (церковь *святителя Николая*), ул. *Георгиевская* (*Егорьевская*) (церковь *святого Георгия Победоносца*) и т.д.

В качестве примера рассмотрим историю названия лишь одной смоленской улицы, ведущей свое название от наименования церкви. Улица *Пятницкая* (по другим данным – *Верхне-Пятницкая*) (ныне улица *Воровского*) была названа так потому, что на этой улице находилась церковь *святой великомученицы Параскевы Пятницы*. Святая *Параскева Пятница* была особо почитаема на Руси, она считалась покровительницей путешественников, поэтому церкви, храмы или часовни строили возле больших дорог. Остатки церкви были обнаружены в районе Большой и Малой Краснофлотских улиц (в далеком прошлом эти улицы назывались *Богословская* и *Большая Проезжая*). Когда-то, в древности, улица *Большая Проезжая* (еще раньше ее называли *Великая*) была главной улицей города. Это также может служить косвенным подтверждением тому, что обнаруженная церковь была построена в честь *Параскевы Пятницы*. В научной литературе она называется церковью *Пятницы на Малом Торгу*. Церковь была очень красивой, видимо, о подобных ей писал летописец: «Такое же несть в полунощной стране и всимъ приходящимъ к ней дивитися изрядней красоте ея». В древности церковь располагалась на ручье, который затем был также назван *Пятницким*. Ручей протекал в овраге, расположенном «восточнее Казанской горы. Овраг широкий и короткий (длина немногим более 0,5 км), разветвленный в верхней части. Потенциально один из наиболее эстетичных оврагов старой части города» (Смоленск 1994: 376). А еще позже, после строительства смоленской крепостной стены, одна из ее башен стала именоваться по церкви также *Пятницкой*.

По мнению Л. В. Алексеева, в Смоленске были и концы (районы города): *Пятницкий, Крылошанский, Ильинский*:

Пятницкая и *Крылошанская* башни Кремля указывают, что первый конец лежал к западу от него, а *Крылошанский* – к востоку. *Ильинский* ручей – за Днепром, видимо, там только и мог существовать *Ильинский* конец. *Пятницкий* конец, очевидно, примыкал к окольному городу Ростислава и включал торг. Он, следовательно, был главным и самым заселенным. Судя по топографии местности он, по-видимому, охватывал все низинное пространство на правом и левом берегах *Пятницкого* ручья и доходил до востока до основания Соборной горы (Алексеев 1980: 150–151).

По некоторым данным, языческое женское божество *Мокошь* нашло свое дальнейшее продолжение и воплощение в христианской святой *Параскеве Пятнице*.

На святую *Параскеву Пятницу* перенесли связь древней *Мокоши* с водой: иконы *Святой Параскевы Пятницы* было принято помещать рядом с источниками и родниками, которые были известны как святые.

Приносили ей в дар первые снопы льна и вытканые уборы, а также пряжу и кудель, которые бросали в колодец (такой обряд носил название *мокрида*; это название, как и имя Макоши, было связано с корнем *мокрый* и, возможно, с *tokos* – ‘прядение’). Таким образом, фактически все функции языческой Макоши перешли на святую Параскеву, и вообще Параскева в народных поверьях больше напоминала языческую богиню, чем святую (Шапарова 2001: 340).

После революции, как и многие другие смоленские улицы, *Пятницкая* была переименована и названа в честь революционного деятеля В. В. Воровского. Название улицы перешло в разряд именных, потеряв при этом свою самобытность.

В 1991 году, когда в городе Смоленске, как и в других российских городах, отмечался день Славянской культуры и письменности, верхнюю часть улицы Воровского называли улицей Кирилла и Мефодия.

Такова история одной смоленской улицы, но история древняя, познавательная, позволяющая заглянуть в глубь веков. Сама же улица *Пятницкая* – не просто одна из древнейших улиц города, но его символ, символ истории и православной культуры, она, говоря словами Б. Окуджавы, «будто это и не улица – история сама».

Один из районов города Смоленска носит название *Реадовка*, не совсем обычное для русского языка (поэтому чаще это название произносится смолянами как *Рядовка*). Место получило свое название благодаря выходцам из Англии, дворянам Реадам. Доподлинно известно, что Яков Александрович Рead «...в службе был показан с 16 октября 1716 года, из иноземцев Великобританской науки, служил вечно, без капитуляции» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 934. Л. 36). Есть свидетельства, что род, носивший фамилию Рead, проживал в Великобритании еще в XIX веке. Фамилия образовалась от английского слова *red* – «рыжий». Имение, которое когда-то приобрел Я. А. Рead, переходило по наследству его потомкам, в дальнейшем оно оказалось в черте города, и за ним закрепилось название *Реадовка*. Топоним был образован от русифицированной формы фамилии – *Реадов* – путем прибавления суффикса *-к-*. Подобные отфамильные образования топонимов не редкость, ср.: *Борисовка, Карповка, Петровка*.

Лексическое значение топонима не равно значению имени нарицательного, от которого топоним образован. Помимо материальной оболочки, в каждом топониме, особенно если он древний, содержится духовное начало, нравственное, эстетическое. Существует мнение, что по языковой картине мира можно изучать национальную. Но поскольку топонимическая картина мира – часть языковой, то топонимические проблемы переходят в проблемы культурологические, духовные, общечеловеческие.

Название древней волости Смоленской земли – *Лодейницы* (находились *Лодейницы* на «пути из варяг в греки», там, где сейчас находится современное село *Лодыжичи*, на озере Купринском, недалеко от города Смоленска) – связано с названием судов (*лоды, лоды*). Люди, жившие «на пути из варяг в греки», должны были заниматься изготовлением лодок, и назывались они поэтому *лодейниками*, отсюда и название *Лодейницы* – место, населенный пункт, в котором изготавливали или чинили лодки. Топоним образован от основы *лодей-* (*лодейн-*) посредством суффикса Pluralia tantum *-ицы*.

В пределах современной Смоленской области существовало 2 главных пути через водораздел. Первый – из Днепра у села Катынь в озеро Купринское у дер. Лодыжицы (бывшее Лодейницы), из которого весной при высокой воде волоком через дер. Ермаки в р. Удру у дер. Соболи и далее по р. Удре и р. Клец в озеро Касплянское. Летом, при низком уровне воды – волоком от озера Купринского через дер. Волоковую в р. Клец или прямо в озеро Касплянское, а далее по р. Каспле в Западную Двину. Существование этого варианта пути подтверждается многочисленными памятниками: укрепленные поселения у начала и конца волока (Лодейницы и Каспля); небольшие укрепленные убежища вдоль трассы (Куприно, Ермаки, Соболи, Волоковая); древние курганы одиночные и групповые на р. Катынке, озере Купринском, р. Удре и озере Касплянском. Подтверждают это и данные топонимики – названия Катынь, Лодейницы, Волоковая (Шмидт 2003, 2: 368).

Сравним название польского города *Лодзь*. Он упоминается в памятниках письменности «в 1332 году как *Lodza*, в XVII в. *Lodzya*, совр. *Łódź*. Город расположен на реке Лудка (*Łódka*) в значении «лодка», а его название от старопольского *łodzia* «рыбачья лодка». По-видимому, первичен гидроним, связанный с рыболовецким промыслом жителей» (Поспелов 2002: 245).

Словом *журавник* обозначали моховое болото, поросшее клюквой («журавинами»): От коктя в мох журавникъ от того мху лесомъ чернымъ пашеным через два бортовых дуба на мшьаре (ф. 1209/2, 15171, 333 об. 1670-1697 гг.). Лексикографические труды это слово не отмечают. Слов. 1847 г. фиксирует лишь слово *журавлина* – «то же, что клюква» (Слов. 1847 г., т. 1: 415). Даль отмечает *журавинник* «место, поросшее клюквою, клюковник» без указания на территорию распространения (Даль, т. 1: 547). Нет рассматриваемого слова и в СлРЯ XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.). В старобелорусском языке существовало слово *журавины*, которое употреблялось со значением «ягоды клюквы» (Носович 1870: 158). В составе современных смоленских говоров бытует слово *журавина* «клюква» (ССГ, вып. 4: 31), известно оно и в ряде других русских говоров (СРНГ, вып. 9: 230). СРНГ содержит слово *журавник* с двумя значениями, но наше значение не представлено: «1. Растение *Galium Mollugo* L., сем. мареновых; подмаренник мягкий. Пск. 2. Растение *Vicia Gracca* L., сем. мотыльковых; горох мышиный. Ворон.» (СРНГ, вып. 9:

230). Как свидетельствует Э. М. Мурзаев, в северо-западных областях бытует словосочетание *журавиное болото* – «верховое сфагновое клюквенное болото», также он приводит русские диалектные слова *жура*, *журава*, *журавика* со значением «клюква» и топонимы на территории Белоруссии, Украины и России: *Жура*, *Журавка*, *Журавки*, *Журавное* (Мурзаев 1984: 209). Слово *журавина* входит в словарный состав современного литературного польского языка (Słownik 1978: 96) и белорусского (Крапіва 1962: 268).

Видимо, слово *журавина* вошло в смоленский диалект еще в старорусский период из польского языка, а затем, уже на смоленской почве, от этого заимствования образовался дериват *журавник* с указанным нами значением, а именно «моховое болото, поросшее клюквой». Представленный контекст из памятника XVII века не позволяет с достаточной точностью определить, что перед нами – апеллятив или микротопоним. Скорее всего, здесь отразилась переходная стадия, когда слово, будучи апеллятивом, постепенно начинает употребляться в топонимической функции, причем сначала в функции микротопонима. В настоящее время на территории Смоленского края известны следующие названия населенных пунктов: д. *Журавинец*, пос. *Журавовичи*, с. *Журавщина*, д. *Журавы*, д. *Журовка* (АТУ 1980: 186).

Смоленский диалект традиционно причисляют к южновеликорусским говорам, но его неоднородность, обилие заимствованных слов и дериватов от них позволяют считать этот диалект совершенно особым среди других южновеликорусских говоров. Своеобразие его объясняется теми историческими условиями, в которых находился Смоленский край на протяжении целых периодов своего существования. Вхождение Смоленского края в состав Великого княжества Литовского, затем – в состав Речи Посполитой обусловило своеобразие лексики смоленского диалекта.

Изменился и социальный состав населения Смоленского края после вхождения его в состав Речи Посполитой. В это время образуется совершенно особый социальный слой населения Смоленщины – смоленская шляхта. *Шляхта* польск. *szlachta* – «в ряде стран Центральной Европы (Польша, Литва и др.) название основной части господствующего дворянского класса, соответствовавшего дворянству (понятие историческое)» (МАС-2, 4: 724). Представители шляхты охотно приезжали и селились на Смоленщине, им полагались всяческие льготы: освобождение от податей, раздача деревень и др. После присоединения Смоленска к Москве в 1654 г. не все шляхтичи покинули обжитые места, многие из них остались здесь жить. В. Н. Добровольский, автор Смоленского областного словаря, писал об этом периоде жизни края:

В 150-летний период двукратного пребывания Смоленской области под властью Польши население ее смешалось с польскими и литовскими выходцами, что послужило началом к образованию особого сословия, получившего назва-

ние Смоленской шляхты. Алексей Михайлович предоставил этому сословию древние права и многих удостоил царских наград. Обращая внимание на положение Смоленской шляхты, и, вместе с тем, заботясь о слиянии ее с русскими, царь Алексей Михайлович в 1658 году дал повеление, чтобы женам убитых в сражении Смоленских шляхтичей, оставшихся бездетными, если они выйдут за русских служивых людей, если первые их мужья имели за собой жалованные государем поместья по 50 и 40 дворов, оставить им имения эти в полном их составе... (Добровольский 1914: 1005).

Для Смоленского края пребывание в Речи Посполитой, как указывает М. Богословский, «не осталось без влияния на высшем, по крайней мере, слое населения этой области. Присматриваясь к фамильным прозвищам смоленского шляхетства, мы видим очень немного великорусских имен; большая же часть этих прозвищ – со свойственными юго-западной Руси окончаниями на ЧЬ, как Адамовичи, Засуличи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковичи, Карновичи, Станкевичи др., или, что еще чаще, на СКИЙ, ЦКИЙ: Азанчевские, Высоцкие... и др.» (Богословский 1899: 27–28).

Слово *шляхта* легло в основу некоторых названий, ср. например, озеро *Шлехецкое* (1209/2, 15170, 100).

В лесной зоне Русского государства длительное время господствовала подсечно-огневая система земледелия. Ее суть заключалась в том, что земли, освобожденные от леса и удобренные золой от его сжигания, использовались несколько лет, а затем забрасывались на длительный срок. Важность этого способа земледелия, длительность его существования способствовали появлению большого числа терминов для обозначения этапов подготовки земли и ее дальнейшего использования. Многие из таких терминов получили отражение в топонимии.

Наиболее древним термином подсечного земледелия является термин *ляда* (*лядо*) «расчищенное от леса место, пригодное для земледелия». Слово *лядо* обычно в смоленской письменности XVII–XVIII вв.: *Да тое же пустоши розчищены ляда а на них пашни паханой полторы десятины* (ф. 1209/2, 10824, 650. 1643–1652); *Он же Иван рострига секъ лядо своимъ насилством на моеи же крепостной земли* (СМИМ, 7843. XVII в.); *Смоленскои шляхтичь...высекъ два ляда и засевал всяким хлебом* (ф. 461/2, 2, 5. 1728 г.). Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает слово *лядо* (*ляда*) со значениями «поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом», «место, расчищенное под луг или пашню» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8: 349). С древним значением «место в лесу, расчищенное под пашню» слово продолжает жить в современных смоленских говорах (ССГ, вып. 6: 69). В топонимии этот термин нашел широкое отражение, так, в Смоленской области отмечаем следующие топонимы: *Лядинники, Лядище, Лядно, Лядное, Лядо, Лядцо, Лядцы, Ляды, Долголядка, Долголядье, Красное Лядо*. Есть подобные многочисленные названия и в соседней Беларуси, ср.: *Ляда, Лядец, Лядины, Лядки, Лядно, Лядовичи, Лядцо, Лядцы, Лядинка* (Жучкевич 1974).

В Новодугинском районе Смоленской области до 1962 года существовала деревня под названием *Ледище*, которую переименовали в деревню *Роца* (АТУ 1980: 321). Наричательное слово *лядище*, от которого образован топоним, обозначало место, где было лядо. Следует помнить, что часто названия населенных пунктов отражали особенности местности, рельефа, занятий жителей и т.д. Новоявленные номинаторы, не учитывая всех этих сведений, связанных со словом *лядо*, не задумываясь, переименовали населенный пункт, нарушая тем самым историческую связь времен.

Таким образом, полное раскрытие топонима позволяет увидеть, что его значение включает различные компоненты, которые несут важную информацию, т.е. топоним представляет собой содержательную самостоятельную единицу знания. Основные компоненты могут быть следующие: адресные, хронологические, этимологические, историко-культурные, нормативные, структурно-словообразовательные, текстовые, причем этот ряд может быть продолжен.

Библиография

- Агеева Р. А. (1989), *Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*, Москва.
- Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник* (1981), Москва (АТУ).
- Алексеев Л. В. (1980), *Смоленская земля в IX–XIII вв.*, Москва.
- Бахтин М.М. (1979), *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Богословский М. (1899), *Смоленское шляхетство в XVIII в.*, Санкт-Петербург.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. (1980), *Лингвострановедческая теория*, Москва.
- Даль В. И. (1989–1991), *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва, т. 1–4 (Даль).
- Добровольский В. Н. (1914), *Смоленский областной словарь*, Смоленск.
- Жучкевич В. А. (1974), *Краткий топонимический словарь Белоруссии*, Минск.
- Крапіва К. К. (рэд.) (1962), *Беларуска-рускі слоўнік*, Мінск.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В. (1997), *Виды пространств текста и дискурса*, [в:] *Категоризация мира: пространство и время: Материалы научной конференции*, Москва, с. 15–25.
- Мезенко А. М. (2003), *Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV–начала XX в.*, Минск.
- Мурзаев Э. М. (1984), *Словарь народных географических терминов*, Москва.
- Носович И. (сост.) (1870), *Словарь белорусского наречия*, Санкт-Петербург.
- Поспелов Е. М. (2002), *Географические названия мира. Топонимический словарь*, Москва.
- Словарь русских народных говоров* (1965–2010), Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, вып. 1–43 (СРНГ).
- Словарь русского языка* (гл. ред. А. П. Евгеньева), (1981–1984), Москва, т. 1–4. (МАС-2).
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1975–2008), Москва, вып. 1–28 (СлРЯ XI–XVII вв.).
- Словарь смоленских говоров* (1974–2005), Смоленск, вып. 1–11 (ССГ).
- Словарь церковнославянского и русского языка* (1847), Санкт-Петербург, т. I–IV (Слов. 1847 г.).
- Смоленск. Краткая энциклопедия* (1994), Смоленск.

- Шапарова Н. С. (2001), *Краткая энциклопедия славянской мифологии*, Москва.
- Шмидт Е. А. (2003), *Путь «из варяг в греки»*, [в:] *Смоленская область. Энциклопедия*. т. 2. Смоленск, с. 367–368.
- Щетинин Л. М. (1980), *Антропонимический текст как источник исторической информации*, [в:] отв. ред. А. В. Суперанская и Н. В. Подольская, *Перспективы развития славянской ономастики*, Москва.
- Ярцева В. Н. (гл. ред.) (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Józef Chlabicz (1978), *Słownik minimum rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Wiedza Powszechna Warszawa.

Vera Kartavenko

Semantics of Toponym As Concentrated Text

Summary

The article discusses issues relating to the sphere of semantics, namely the toponym as folded, concentrated text. Communicative-pragmatic discourse possesses aspects that can be seriously studied. Proper names of geographic objects are a special type of text, taking into account the extralinguistic factors (social, economic, cultural, etc.). The article gives examples confirming these theoretical propositions. Many place-names in Smolensk (street Pyatnitskaya, Readovka district, parish Lodeynitsy, swamp Zhuravnik and many others), as the study shows, contain a value of several components (address information, etymological, chronological, historical, cultural, structural and derivational, text, etc. etc.).